

Он долго перебирал ягоды в корзине, пока не выбрал около десятка ярко-красных боярышников, чуть меньше грецкого ореха. Тщательно вымыв их, он взял палочку и, проткнув ягоду с одного конца, удалил сердцевину и хвостик.

Этот шаг был ключевым. Му Цинфэн проделал это с десятком ягод, после чего отбраковал поврежденные и выбрал пять лучших.

Подумав, он взял из ящика с инструментами узкий острый нож и очень аккуратно вырезал на каждой ягоде по одному иероглифу. Закончив, он внимательно осмотрел свою работу. Буквы получились далеки от его обычного каллиграфического мастерства, но времени на тренировку не было.

Взяв у Цинь Лао Саня бамбуковые палочки, он нанизал на них круглые красные ягоды.

Тем временем Цинь Лао Сань уже начал варить сахарный сироп, смешав сахар с водой. Сначала он поставил на сильный огонь, а когда появились большие пузыри, уменьшил пламя, чтобы сироп медленно превратился в мелкие пузырьки, пока не стал ярко-желтым и прозрачным.

Цинь Лао Сань попробовал сироп, чтобы проверить его густоту, затем добавил горсть черных кунжутных семян и посоветовал Му Цинфэну окунуть ягоды в кипящий сироп и быстро вынуть, чтобы сахарная глазурь получилась тонкой и хрустящей.

Му Цинфэн, обладающий физической силой, легко справился с этим. Он аккуратно опустил ягоды в сироп, словно раздвигая цветы, и быстро вынул. Красные ягоды покрылись ровным слоем блестящего сахара, от одного вида которого уже текли слюнки.

Цинь Лао Сань похвалил:

— Молодой господин, у вас отлично получается. Сахарная глазурь получилась ровной и тонкой, даже лучше, чем у меня.

Му Цинфэн лишь улыбнулся и достал из кармана банкноту в сто лян, положив ее на печь.

Цинь Лао Сань поспешно взял ее и стал отказываться:

— Молодой господин, вы слишком щедры...

Му Цинфэн, в голосе которого слышалась радость, ответил:

— Примите это, старик. Для меня возможность сделать эти леденцы здесь бесценна.

Цинь Лао Сань, глядя на Му Цинфэна, заметил, что его лицо, которое в дверях казалось холодным и отстраненным, теперь было совсем другим. Вспомнив вырезанные на ягодах иероглифы, он улыбнулся:

— В таком случае, старик желает вам и вашей возлюбленной взаимной любви и долгого счастья!

Му Цинфэн сначала удивился, затем слегка улыбнулся:

— Спасибо за добрые слова!

Гу Шаобай закончил мыться и устроился под одеялом, размышляя о разговоре с Лин

Минем.

Лин Минь был человеком немногословным. Зачем он вдруг начал рассказывать о своем старшем брате? Не просто чтобы поделиться своими переживаниями, но, вероятно, чтобы посоветовать ему не быть слишком упрямым и не жалеть позже.

Раздался легкий стук в дверь.

Гу Шаобай, даже не спрашивая, интуитивно понял, что это Му Цинфэн. Он накинул халат и подбежал открыть.

Дверь открылась, и Му Цинфэн, весь в холоде, переступил порог, быстро закрыв за собой дверь.

— Где ты был? — спросил Гу Шаобай. Он не видел Му Цинфэна с самого ужина и, хотя знал, что не стоит задавать лишних вопросов, не стал расспрашивать стражников.

Му Цинфэн усмехнулся, приблизив лицо к его:

— Соскучился?

— Болтун, — пробормотал Гу Шаобай, поворачиваясь к кровати.

Не успел он сделать и двух шагов, как почувствовал, как земля уходит из-под ног. Му Цинфэн подхватил его на руки и, сделав несколько широких шагов, бросил на кровать.

Гу Шаобай с негодованием сел. Му Цинфэн, хотя и сделал вид, что бросает его, на самом деле лишь слегка опустил его на кровать. Не больно, но страшно!

Он уже собирался продолжить ругаться, как вдруг его взгляд упал на что-то ярко-красное — это был леденец на палочке!

Гу Шаобай обрадовался, глаза его загорелись:

— Это для меня?

Му Цинфэн кивнул с улыбкой.

Гу Шаобай бережно взял леденец. Му Цинфэн прибавил света лампе, и тонкие прозрачные ягоды в его глазах казались драгоценными камнями.

Если бы не боязнь насмешек, он бы высунул язык и лизнул леденец от кончика до основания, чтобы сладость медленно проникла в самое сердце.

Думая об этом, он почувствовал, как слюнки начинают течь.

У Гу Шаобая была привычка есть леденцы не с первой ягоды и не с последней, а выбирать самую большую и красивую.

Он начал искать самую крупную ягоду, но все пять были одинаково большими и красивыми, с ровным слоем сахара. Выбрать было невозможно...

Вдруг он заметил, что на ягодах что-то написано. Присмотревшись, он увидел пять иероглифов: «Ты», «Должен», «Знать», «Мое», «Сердце».

Гу Шаобай замер. С самого сердца начала подниматься тонкая струйка радости, смешанной с непонятной горечью. Постепенно она заполнила всю грудь, и горячая волна подступила к глазам.

Он поднял затуманенный взгляд. Лицо, находящееся так близко, стало размытым. Дрожащим голосом он произнес:

— Это... это...

Его рука, лежащая на коленях, была мягко взята, и он услышал тихий, как шепот, голос:

— Я сделал это. Нравится?

Гу Шаобай кивнул, и две слезы скатились по его щекам.

Он слегка отвернулся, чтобы вытереть их, но в этот момент почувствовал, как прохладные пальцы коснулись его лица. Шероховатые подушечки пальцев, словно маленькая пила, скользнули по щеке, оставив след в самом мягком уголке его сердца.

Собравшись, он, с красными от слез глазами, бросил косой взгляд на Му Цинфэна. В крови что-то закипело, готовое вырваться наружу. Он сглотнул и, стараясь улыбнуться, сказал:

— Эй, князь, сколько тебе лет... играешь в детские игры...

Соблазнительные ягоды источали сладкий аромат, проникая в самое сердце. Кисло-сладкий вкус уже невозможно было отделить от эмоций, наполнявших его.

Му Цинфэн смотрел на симпатичное лицо Гу Шаобая, на котором появились две маленькие выпуклости от ягод, и чувствовал, что этот момент принес ему беспрецедентную радость и удовлетворение.

Этой ночью Гу Шаобай не мог уснуть.

Раньше, сколько бы ночей он ни проводил в печали и боли, он всегда мог заснуть, пусть даже в кошмарах, но никогда не испытывал страха.

В руке он сжимал белый платок, в котором спрятал последнюю ягоду. На ней был иероглиф «Сердце», вырезанный с изящными линиями, совсем непохожими на обычный почерк Му Цинфэна.

Он мог представить, как тот, вырезая его, улыбался, сгибая брови, и, наверное, шептал его имя.

Он крепко сжал платок, словно держал в руках настоящее сердце. Стена, которую он выстроил, начала рушиться, и он не хотел отпустить...

Радость постепенно угасла, оставив после себя тревогу. Внезапно он задрожал, боясь погрузиться в эту мимолетную нежность.

На губах он шептал пять слов, словно маленькие волны, бьющиеся о берег. Сомнения и растерянность всплывали на поверхность, переплетаясь, и он провел бессонную ночь.

Ты должен знать мое сердце!

Лин Минь стоял у ручья, вглядываясь вдаль. Ветер этой ночью был особенно сильным. Порывы ветра несли с собой стенания, доносящиеся из ущелья.

А хаотично нагроможденные камни в темноте стояли в странных, почти зловещих позах.

Му Цинфэн стоял у входа в ущелье, величественный и непоколебимый. Весь окружающий свет, казалось, впитывался его темными глазами, которые в этой странной и холодной атмосфере сияли с особой яркостью.

Оказалось, что решение не входить в ущелье той ночью было правильным.

Это место называлось «Черный пляж». Сто лет назад здесь произошла ужасающая битва.

Согласно местным хроникам, генерал по фамилии Сун, прославившийся своими подвигами, был обвинен в измене по навету злодеев. Император, обманув его, приказал ему срочно явиться на помощь, и генерал, взяв с собой лишь несколько сотен верных солдат, поспешил в столицу.

Чтобы сэкономить время, генерал выбрал короткий путь — через это ущелье.

Однако император уже устроил здесь ловушку. Как только они вошли в ущелье, вход и выход были заблокированы бревнами и камнями, и на них обрушился град стрел. Сотни солдат, включая генерала, погибли здесь, их тела не были похоронены и были растерзаны дикими зверями.

С тех пор «Черный пляж» стал местом, где, по слухам, бродили призраки солдат.

Но это были лишь легенды, никто никогда не видел их воочию. Однако три года назад слухи стали распространяться все сильнее.

Сегодня обновление пораньше, есть кто, чтобы похвалить меня!

<http://bllate.org/book/16730/1538971>